

Сказка ложь, да в ней намек...

В последнее время мы уже привыкли к тому, что Арзамасский театр драмы преподносит нам, зрителям, приятные сюрпризы. Вот и новый, 76-й сезон он открыл пьесой известного отечественного драматурга Евгения Шварца «Тень», и хотя об этом было анонсировано еще летом, премьеры ждали с нетерпением, с нескрываемым интересом, потому что в основе шварцевской драматургии всегда ожидание необыкновенного чуда.

Наши ожидания, надо прямо признать, оправдались: мы увидели восхитительный, искрометный, захватывающий спектакль, который держит зал в напряжении в ходе всего действия, и кажется, что в орбиту этого действия втянуты не только актеры, но и публика, чутко реагирующая то задорным смехом, то драматичной тишиной.

И ведь что любопытно: пьеса написана в 1938–40 годах, когда и в стране, и в мире была совершенно иная политическая и общественная атмосфера, а по-прежнему звучит актуально, современно, в ней угадываются приметы нашего сложного времени. Видимо, это и сыграло свою роль в выборе пьесы. Но актеры не играют «современность» и даже не стремятся делать это, они играют сказку – сказку для взрослых, где соединены философия, фантастика и сатира, сказку для вдумчивого зрителя, который сам может додумать, что скрывается за метафоричностью шварцевской поэтики, что хотел сказать режиссер-постановщик А. Иванов, используя стилистический контраст – взаимную связь между светом и тьмой, которая подхвачена аскетичной и выразительной сценографией Е. Егоровой: задник из черно-белых полос, черные кубы, черная лестница – оттого и настораживающей. Надо заметить, что задник великолепно обыгрывается: именно на него проектируются по ходу тех или иных сцен отдельные эпизоды и кукольные тени упоминаемых в пьесе лиц, например, Мальчик-с-пальчик, женатый на женщине по прозвищу Гренадер (видеоформление М. Сахарова). Те же цвета преимущественно и в костюмах персонажей, сделанных отлично, со вкусом, со знанием дизайнерского искусства (технолог по костюмам Е. Иванова). Лишь иногда «вкрапливается» красный цвет, символизирующий власть, величие – такова подушка, на которой сидит Министр финансов, костюм Тени, но, как выясняется, за этим цветом скрывается их ничтожество, и представляются они собой просто нуль. Напряжение действию добавляют интересное световое решение спектакля (П. Пятунин), особенно включение красного света, когда показываются людские пороки, хорошо подобранная Е. Кузиной ненавязчивая музыка, благозвучная, доступная восприятию. Все это работает и на смысл, и на атмосферу, помогает актерам чувствовать себя на сцене органично.

Итак, ученый Христиан-Теодор приезжает в маленькую сказочную страну, чтобы изучать ее историю. Но попадает он не в сказку, а в мир людских пороков, где живут людоеды, где плетутся интриги, где жители привыкли говорить шепотом, потому что их подслушивают, где все

ла его, не стала исполнять обещания, напротив, принялась рассказывать девушке о своей любви к ней и о снах, что той снились, а потом предъявила подписанное Христианом-Теодором соглашение.

Тень готовится к восхождению на престол, Христиану-Теодору же ставит условие: или он сам становится тенью, или умрет. Ученый пытается убедить придворных, что людьми хочет управлять Тень. И тут ученый произносит слова древнего заклинания: «Тень, знай свое место!», и, о чудо, теперь они похожи друг на друга. Все в растерянности, и все же, поскольку Тень убедил их, что ученый и есть сбегавшая тень, решают отрубить Христиану-Теодору

несчастье, разум и глупость, святость, преступление, совесть, бесстыдство – все это перемешалось так тесно, что просто ужасаетесь».

Завязка конфликта происходит, когда придворные, увидев растущую взаимную симпатию Христиана-Теодора и принцессы, и в том опасность для себя, потому что такое чувство, как любовь, невозможно загнать в рамки, решают купить или убить ученого. На помощь им приходит собственная Тень Христиана-Теодора, которую сам ученый почему-то выбирает в посредники между собой и возлюбленной и просит Тень пойти и рассказать девушке, как сильно он её любит; Тень, в стремлении занять место короля, уходит от Христиана-Теодора, становится самостоятельной и начинает докучать своим хозяином («Она не простит ему никогда в жизни, что когда-то была его тенью», – замечает один из людоедов).

Вступив в сговор с Первым министром и Министром финансов, Тень явилась к ученому с предложением отказаться от принцессы в обмен на славу, почет и богатство. В случае отказа – смерть. В конце концов, после того, как Тень обещает все пояснить принцессе, ученый соглашается подписать «для вида» бумагу, чтобы бежать с Луизой. Тень же обману-

голову. К общему удивлению, теряет голову и Тень. Луиза требует воскресить ученого живой водой, и тогда вновь приобретает голову и Тень; но куда девалась ее снобизм – она развенчана, лишена ореола, приближенные, еще недавно склонявшиеся перед ней ниже пояса, отвернулись от нее, надсмехаясь; она пытается ускользнуть, ее стремятся поймать, и вот уже... Да только под плащом оказывается не Тень, а мажордом... Принцесса просит ученого остаться с ней; однако там, где отсутствуют сердечность и доброта, где привыкли смотреть на все сквозь пальцы, там ему делать нечего, и Христиан-Теодор уходит из «сказочной» страны вместе с Аннунциатой.

Все по Шварцу: «Карьерист, человек без идей, чиновник может победить человека, одушевленного идеями и большими мыслями, только временно. В конце концов побеждает живая жизнь».

Роль главного героя – Христиана-Теодора – доверена М. Польшаеву. Образ крайне сложный: с одной стороны, ему противопоставит Тень – темная сторона его души, в столкновении с которой показана внутренняя борьба, с другой – столкновение с придворной камарильей – фи-

гурами, которые в своей совокупности дают возможность почувствовать атмосферу затхлости, царящую в сказочном государстве.

Спектакль начинается с монолога ученого, которому плед представляется принцессой, часы – ее тайным советником, а ступившие тени в углу – зловещим незнакомцем. Ученый предположил, что задремал и вступил с гостями в разговор, но стоит ему надеть очки, как все вернется на свое место. Однако каково было его удивление, когда они сказали, что это вовсе не сон, а сказка. И как же здорово актер сыграл этот эпизод: стройный, симпатичный, уверенный в себе, он вдруг сделался каким-то растерянным, с перевернутым лицом, стал даже ниже ростом – во всей его фигуре, движениях чувствовалось нервное напряжение. По ходу спектакля актер еще не раз покажет своего героя разным, в зависимости от того, с кем будет иметь дело. Но уже в финальных сценах он предстанет, распрямившись, во весь рост, во всем своем величии, когда преодолевает в себе самом свойственные ему в начале пьесы «теневые» черты – наивный оптимизм, излишнее простодушие; он, придя в прямое столкновение с Тенью, прозревает, приобретает зрелость, мужество, необходимые в дальнейшей борьбе. М. Польшаев ведет свою роль уверенно, тонко передавая все смысловые и психологические нюансы, каждое его движение, интонация, манера держаться на сцене работают на создаваемый им образ.

Так же самозабвенно, с полной отдачей работает А. Кистерев, представивший запоминающийся образ Тени – воплощение в личности подлости и напыщенности, притворства и обмана, карьеризма и жадности власти. Молодой актер очень верно ухватывал тип простого, цепкого малого «из низов», каких мы немало видим среди чиновников, готовых ради продвижения наверх, ради удобного депутатского кресла и прилагаемых к нему льгот и преференций идти напролом, прибегая ко лжи, подлости, лести, низкопоклонству, лицемерию и клевете. Когда актер впервые выводит на сцену своего героя, тот предстает робкой, малозначительной личностью, готовой всячески услужить приближенным к трону; зато когда он уже почти добрался до короны, А. Кистерев являет нам страшную фигуру, которая не знает границ своей безнравственности и порочности: его слова, словно яд, проникают в души людей, его действия вызывают ужас в глазах придворных; они, как будто под гипнозом, готовы даже к тому, чтобы ими правил не человек, а его тень, и безмерно рады поклоняться ей.

Единственная из жителей королевства, кто не преклоняется перед Тенью, – милая, трогательная служанка Аннунциата, полюбившая Христиана-Теодора. Актриса А. Кочеткова изобразила нам свою героиню нежной, застенчивой, но именно ее преданная и бескорыстная любовь вознаграждается спасением ученого, че-

рез нее ему открывается правда жизни. Актриса, наверное, могла бы свои сердечные переживания обострить и углубить, но если бы выражала любовные чувства более откровенно, «в лоб», возможно, создалось бы впечатление, что она навязывается ученому. И это была бы уже иная история, и тогда мы не поверили бы, что именно она – настоящая добрая принцесса, которая обязательно должна быть в каждой сказке.

А вот Луиза, которая «по штату» числится принцессой, занимает в «системе координат» персонажей спектакля «промежуточное» место: она недоброжелательна, никому и ничему не верит, считая всех людей негодными и лжецами. Слепленный ее красотой Христиан-Теодор не замечает, что у нее равнодушная холодная душа, ему кажется, что ее мысли гармоничны, как она сама. И потому, как только перед ней возникла Тень, она с легкостью отказывается от любви ученого и делает свой выбор в пользу того, кто настойчивее, чьи речи приятнее. Т. Беляева достаточно достоверно изобразила свою героиню, схватив главную ее черту – бесчувственная кукла, она даже ни разу не улыбнулась на протяжении всего спектакля.

Шварц выводит в пьесе большую группу злых и завистливых жителей королевства, которые пропитаны подлостью, гнусностью, угодничеством, лакейством, подхалимством, страхом, позволивших своей беспечностью открыть путь Тени к вершинам власти.

Это прежде всего важные сановники: Первый министр (Е. Стребкова) и Министр финансов (Ю. Рослов), составившие дуэт главных интриганов, не обладающих ни честностью, ни порядочностью, ни мудростью. Если первый представлен солдафоном, речь его скупа, резка и обрывиста, то второй – внешне мягкий, пушистый, но ужасно хитрый, каверзный и коварный, он думает лишь о собственной выгоде, в жертву корысти он принес даже свою семью. Исполнители этих ролей, перевоплотившись в своих персонажей, словно растворяются в материале, игра их органична; порой создаваемые ими образы напоминают шарж, а то вдруг проглянет портрет, ужасный и пугающий своей откровенной гнусностью.

Пару злодеев представляют и людоеды: отец Аннунциаты хозяин гостиницы Пьетро (С. Столяков) и продажный газетчик, любитель сплетен и интриг Цезарь Борджиа (М. Быстров). Показанные ими персонажи лаконичны и выразительны, они словно писаны ударами кисти по полотну, и мазки эти точны и густы. Однако каждый актер создает образ своего героя, исходя из ремарок и текста автора. Жажда денег и славы во что бы то ни стало, любимыми средствами определяет все поведение Цезаря Борджиа. Легкий в отношениях с другими, беспринципный, готовый услужить всякому, кто у власти, он гораздо коварнее собрата: сначала хочет «съесть» ученого сам, потом помогает сделать это еще более нагло, чем он сам, Тени. В отличие от него

Пьетро не столь кровожаден: он хотя и палит из пистолета, но так никого и не убил. Пожалуй, его людоедство показное, он должен казаться таковым потому, что королевство не может существовать без злодеев.

Несколько выбивается из этой среды Доктор (С. Рыжов). Он, в общем-то добрый и порядочный, вынужден подчиняться заведенным здесь правилам и не пытается даже бороться со злом. Почему? Вот как он объясняет это Христиану-Теодору: «Я сделал великое открытие. Я нашел источник живой углекислой воды... Вода эта излечивает все болезни, какие есть на земле, и даже воскрешает мертвых, если они хорошие люди. И что из этого вышло?.. На меня двинулись чиновники. Им все безразлично... И я махнул на все рукой. И мне сразу стало легче жить на свете. И вы махните на все рукой и живите, как я». Исходя из принципа Доктора, смотреть на все сквозь пальцы, актер и создал его образ – умного, но безвольного человека, которому не хватило сил противостоять злу, и он просто сдался.

В трудном положении оказывается и певица Юлия Джули. В ней борются желание помочь хорошему человеку и боязнь, что ее саму за это растопчут. Она не знает сама, что победит в ней. В начальных репликах ее разговора с ученым можно увидеть и то и другое, она мечется: погибнуть, оставшись с ученым, или погибнуть, предав его? Эта душевная борьба делает образ Юлии драматичным. «Ужасно быть красивой и близорукой», – говорит она. После сцен ее запугивания, устрашения министром финансов она предстает перед нами, как жертва. Такой она и является в изображении Е. Лупачевой, ее сценическое существование сложное и многообразное, и актриса удачно справляется с этим.

Интересна в спектакле трактовка роли мажордома. В исполнении заслуженной артистки России Т. Нестеровой он представлен как обобщенный образ абсолютного подхалима, который в своем низкопоклонстве и раболепстве потерял человеческое достоинство.

Говоря об удачных актерских работах, нельзя не упомянуть В. Пичугина (тайный советник), Д. Пивоварова (лакей министра финансов), А. Панюшкину, М. Денисова, А. Воронина, Т. Гордиенко (курортники, придворные), которые работают убедительно, ярко, талантливо, хорошо чувствуя жанр произведения.

Если оценивать в целом, то на сцене царил на удивление единый ансамбль, который, благодаря индивидуальности, таланту и мастерству каждого, выглядел превосходно; режиссер дал в полной мере раскрыть каждому свой творческий потенциал; он сумел добиться того, что каждая деталь на сцене, каждый жест, слово «работали» с помощью игры актеров, костюмов, танцев, музыки на авторский замысел; нельзя допускать малодушия, нельзя поступать не по совести, нельзя давать злу взлететь над собой верх – никогда не полагайтесь на свою Тень...

В. ПАНКРАТОВ.
Фото А. Михельсон.